

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В РИМСКО–КАТОЛИЧЕСКОМ БОГОСЛУЖЕНИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (ВТ. ПОЛ. XIX В.): АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.И. ГАНЧАР

*Гродненский государственный аграрный университет,
г. Гродно, Республика Беларусь*

Замена языка в богослужении, как и введение дополнительного языка, всегда будет являться очень трудной проблемой, чреватой крайними последствиями: с одной стороны, для самой религиозной организации – вплоть до раскола, как следствие неприятия нововведения в освещенные веками канонические нормы, отхода от истинного пути; с другой стороны – для паствы (во многом, по тем же причинам). Проблема также будет усугублена интересами государства, власти: ведь каждое государство стремится к тому, чтобы религиозные тексты, речи звучали на государственном языке. Очевидным становится тот факт, что введение или замена языка богослужения должна проводиться очень осторожно, взвешенно, постепенно. Еще в феврале 2004 г. вопрос по организации богослужений и переводу обучения на государственные языки был предметом обсуждения на итоговой коллегии Комитета по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь [1, с. 3]. «Богослужение в Беларуси должно совершаться на родном языке, а для этого необходимы соответствующие переводы религиозной литературы на белорусский язык, – такое мнение высказал 21 августа 2013 г. на открытии XV Международного съезда славистов митрополит Минско–Могилевский архиепископ Тадеуш Кондрусевич, – Работа в данном направлении осложняется и тем, что религиозная терминология еще недостаточно полно разработана в белорусском языке» [2]. Актуальным видится как рассмотрение аналогичных процессов, уже имевших место на территории Беларуси, так и характера интерпретации происходивших событий.

Анализу политики правительства Российской империи, местных властей посвящена целая серия российских изданий. Большинство трудов, особенно дореволюционного периода, собственно и посвящены этому, выделяя в разной степени заслуги того или иного начальника по продвижению русского языка в богослужение. На первом месте по степени апологии, конечно, находится Виленский генерал–губернатор М.Н. Муравьев. А.И. Миловидов напомнил читателям, что именно М.Н. Муравьев еще в 1831 г. во всеподданнейшей записке охарактеризовал римско–католическое духовенство как самый враждебный элемент Северо–Западного края, которого нельзя привлечь благодеяниями. Введение русского языка М.Н. Муравьев, по воспоминаниям А.И. Миловидова, рассматривал как одну из мер, способную уменьшить влияние римско–католического духовенства на местное население. В книге секретаря М.Н. Муравьева отражены мнения по проблеме русификации костела других генерал–губернаторов, представителей православной церкви [3, с. 4, 17–18]. Виленский генерал–губернатор Э.Т. Баранов был также сторонником русского языка в римско–католическом богослужении [4, с. 6].

Для ранних российских трудов характерно выражение собственного мнения авторов, не подкрепленного фактами, преобладание эмоций, уход в теоретические построения. И.С. Аксаков прямо призывал «всех католиков славянского мира отречься не только от польского языка, но и от Рима и всех дел его» [5, с. 177]. А.П. Владимиров уверял читателя, что именно с его подачи Виленскому генерал–губернатору К.П. Кауфману в 1865 г. «Записки о введении русского языка в римско–католическое богослужение в Западной России» начался сам процесс. Тем самым, как он считал, католицизм обезвреживался для русского государства и русской народности, отделялся от «полонизма» и «располячивался». А.П. Владимиров полагал, что опасность «ополячивания» западно–русского населения посредством польско–католического костела увеличивается еще более тем обстоятельством, что польские и русские языки чрезвычайно близки друг другу и что для польских патриотов «ополячивание» западно–русского народа является неременным условием восстановления Польши, по известному девизу – «без Литвы нет Польши» [6, с. 106, 108; 7]. Г.Я. Киприанович, отражая официальное мнение по введению русского языка, отмечал, что как и все принужденное, акция по введению русского языка имела временный успех [8, с. 153]. В труде И.П. Корнилова помещены сведения о сложности введения в Виленском учебном округе римско–католического катехизиса на русском языке в учебный курс [9, с. 69, 108]. Характерно, что попе-

читель ВУО не считал польский язык в римско–католическом богослужении препятствием для искренней любви к России, а видел прямую угрозу в органической связи костелов Западного края с костелами в Польше и Западной Европе, в их иерархическом подчинении [10; 11]. Бывший юрисконсульт Святейшего Синода православной церкви в Польше К.Н. Николаев отмечал, что русское правительство, не покушаясь нисколько на латинский язык, как язык богослужебный, и не понимая, почему в России, рядом с латинским языком, в костеле должен быть исключительно язык польский, а не государственный, – все же не могло принудить римско–католическое духовенство пользоваться русским языком [12].

Выделяется ряд трудов, посвященных характеристике дискуссии, разгоревшейся по введению русского языка в римско–католическое богослужение. В журнале «Русский вестник» в сентябре 1867 г. был опубликован очерк, в котором было отображено столкновение пяти основных точек зрения по вопросу введения русского языка в римско–католическое богослужение. Во–первых, это мнение редакции журнала, возглавляемой либерал–консерватором М. Катковым – позиция, наиболее близко отражающая официальную. Ей противостоят мнения четырех членов Виленской Ревизионной комиссии по делам римско–католического духовенства: штаб–ротмистра Самарина, действительного статского советника Деревницкого, Кулина и археографа Безсонова – единственных, кто проголосовал против введения русского языка в римско–католическое богослужение. Очерк изначально был задуман как диалог различных позиций. Эти четыре представителя были избраны для него неслучайно, но именно в связи с их радикальным несогласием как с официальной программой действий, так и между собой – в том, что касается целей политики и средств ее выполнения [13].

Самарин, как выразитель официальной точки зрения, высказывая пожелание «слития всех племен России в один русский народ», явно предпочитает придать «терпимым исповеданиям» статус «национальных», т.е. закрепить за ними тот или иной национальный язык – лишь бы «не осквернить русский язык нечестивыми устами ксендзов» [13, с. 327–335].

Следующий участник дискуссии, Деревницкий, выступает против введения русского языка в католическую службу на основании того, что эта мера не уничтожит главного зла – «злокачественных свойств латинства». Пытаясь опровергнуть основную правительственную идею о разделении католицизма и польской национальности, автор приводит в пример католиков–литовцев, которые, несмотря на то, что им «не привился язык польский и особенно не проник он в их молитвы и гимны», «враждебно относятся ко всему русско–православному», что, по его мнению, объясняется исключительно «глубокой ненавистью» вообще ко всему, что отлично от католической веры. Польский язык представляется, тем единственным, но мощным каналом, через который католик любой национальности неизбежно заражается мятежными по отношению к Российской империи духом и идеями, «национально–польским фанатизмом». «Обезвредить» его представляется для правительства задачей вполне выполнимой, свидетельством чему является пример унии как католицизма на русском языке, «сослужающий службу более православию и России, чем латинству» [13, с. 336–337, 339, 386].

Третий участник дискуссии, Кулин, начинает изложение своего мнения с перечисления сфер, в которых у русского населения Западного края господствовал русский язык; исключением из этого ряда к 1867 г. был только язык службы: в общей церковной службе русский «осужден был молиться на иностранном языке», хотя исповедь, не относящаяся к общественному богослужению, во многих местах осуществлялась на русском языке, на котором ксендзы могли говорить в лучшем, чем русские крестьяне по–польски. Признавая, что русский язык не сможет «убить латинство», Кулин сожалеет, что это невозможно, и тем обосновывает нецелесообразность введения его в общественное богослужение. Кулин боится влияния католицизма как такового. «Что вредно православию, то вредно и русскому народу», религиозное оказывается для него сильнее национально–политического, и при этом, конечно, соединять католицизм с русским языком оказывается крайне нежелательным: «Латинство есть враг православия, Поляк враг Русского. Это истины. Пусть же латинство и носит вражью, то есть польскую личину». Польский язык в богослужении, как общественном, так и частном, явно оценивается как неприемлимый, т.к. неразделим с чуждым вероучением, на нем выражаемом; с другой стороны, с введением в эту сферу русского языка также можно примириться лишь на короткое время, поскольку недалек тот день, когда русский человек обратит истинную веру, к которой он как русский должен принадлежать. Для Кулина «по определению» существуют вера «истинная» и вера «ложная», компромисс между русским языком, глаголющим вечные истины православия, и ересью латинства невозможен [13, с. 349, 354].

Следующий участник дискуссии Безсонов вступает в полемику не только с официальным курсом на введение русского языка в католическое богослужение, но и с выше рассмотренными позициями. Для него польский язык есть язык–символ, «будящий старую польскую мысль», ставящий говорящего на нем в зависимость от «образа мыслей, характера, истории, литературы, быта, почвы и племени польских»; наиболее вредным и противоестественным является польский язык в молитве и проповеди для русских крестьян, которым он «чужд и противен», но у которых, кроме него, нет иных средств выражения насущнейшей религиозной потребности; польский язык существует не в богослужении, но при богослужении, т.к. в главных его частях предписано использование латыни; следовательно, уже с удалением его из проповеди, чтения, и общественного пения, миряне будут полностью изолированы от польского языка; необходимо «вернуться к прототипу», т.е. к употреблению латинского языка во всех частях общественного католического богослужения без исключения. Основным пунктом программы Безсонова является следующее: для обеспечения нужд русских католиков в Западном крае необходимо создать особый «церковно–славянско–польско–русский язык», который совмещал бы элементы как русского гражданского, так и церковно–славянского, а также старого языка католической службы, т.е. польского. Более того, для сотворения подобного шедевра следует учредить «латино–польско–католико–церковно–славяно–русскую академию», в которой «лучшие умы» работали бы «в продолжение целого века и веков» [13, с. 364–365, 368, 371–375].

19 марта 1912 г. Д.Н. Чихачевым было сделано сообщение в собрании Западно–Русского общества в Санкт–Петербурге на тему «Вопрос о располычении костела в прошлом и настоящем». Краткое и сжатое сообщение это легло в основу более обширного труда. Д.Н. Чихачев с официальной позиции осветил введение русского языка, одобрение «проекта» Александром II, привел мнения И. Семашки, М.О. Кояловича, Кулина, И.С. Аксакова, И.П. Корнилова, А.П. Владимирова, М.Н. Каткова, П.Н. Батюшкова из их журнальных статей по введению русского языка [14, с. 14, 64]. Схожей оценке событий посвящена, впрочем, более ранняя публикация статей в Литовских епархиальных ведомостях [15; 16, с. 162; 17].

Уникально издание А.В. Жиркевича, изобилующее множественными фактами не только касающимися проблемы «располычивания» костела и непосредственно описывающими жизненный путь каноника Ф. Сенчиковского (самого активного деятеля по введению русского языка), но и содержащее материал, характеризующий эпоху того времени, губернаторов, директоров Департаментов, министров, духовенство как православное, так и римско–католическое и т.д.. Автор характеризует Ф. Сенчиковского как истинно русского человека и патриота своей родины – России, искренне любившим ее до самого конца [18, с. 673]. Автор сожалел, что процесс введения русского языка в дополнительное богослужение не был произведен с достаточным упорством, в чем видел вину не только ксендзов и помещиков, но и светской власти [19, с. 661].

Об отношении к русскому языку римско–католического духовенства писали А.Н. Мосолов, И. Котович, А.В. Жиркевич, С. Кжеменский. А.Н. Мосолов довольно не лестно, как жадных к богатству, наживе характеризовал главных вдохновителей «располычивания»: А. Немекшу, Э. Тупальского, П. Жилинского [20, с. 253–256]. Статьи официальной имперской печати восхваляли деятельность римско–католического духовенства по продвижению русского языка в богослужение. К примеру, «Северный вестник» характеризовал Виленского управляющего епархией П. Жилинского за поддержку введения русского языка, как русского патриота, с удовольствием отметив его согласие на нововведение римско–католического духовенства, выразившееся в «верноподданических адресах» [21, с. 433–434]. На страницах «Литовских епархиальных ведомостей» нашли отражение различные аспекты введения русского языка: деятельность Ф. Сенчиковского [15, с. 5; 22, с. 7; 23, с. 8; 24, с. 10–11], открытие в Минске римско–католического училища органистов для службы на русском языке [25, с. 6], об отношении правительства к проблеме, непоследовательности в действиях [26, с. 8], оставлении без поддержки «ритуалистов» (так называли тех ксендзов, кто принял русскоязычный Требник) [27, с. 5]. Но даже «Литовские епархиальные ведомости» не смогли прийти к единой оценке событий, что видно по характеристике Ф. Сенчиковского: в одной статье приведено письмо Ф. Сенчиковского в редакцию, в котором ксендз утверждал, что он белорус, с русским происхождением и верный католик, любящий свое российское Отечество [22, с. 7], а в другой, что Ф. Сенчиковский – поляк, верующий в Россию [24, с. 10–11].

На фоне общего превознесения в российской дореволюционной печати «ритуалистов» выделяется статья, помещенная в журнале «Русь», о Виленском римско–католическом епископе К. Гривевицком, назначенным в 1882 г. вместо администратора епархии П. Жилинского. В статье указывается, что епископ был верен не польским стремлениям, а костельным традициям края [28, с. 37].

В ней, наверное, впервые в российской общественной мысли утверждалось мнение о традиции (в противоположность враждебности, «польскости») в деятельности костела в Российской империи. В противоположность этому мнению активно выступил редактор «Литовских епархиальных ведомостей» И. Котович, указав, что назначенные епископы в 1883 г. принялись отстаивать польские интересы, отстраняя от должностей ксендзов–ритуалистов [29, с. 8], а самого К. Гриневицкого характеризовал ярым поляком, пытающимся навести порядок [30, с. 1; 31, с. 3; 32, с. 9]. Того же мнения он был и о М. Герасимовиче, назначенном К. Гриневицким по отправке в ссылку [24, с. 10–11; 33, с. 8].

Идею о традиции в употреблении языка в римско–католическом богослужении подхватил А.В. Жиркевич. Правда, он это сделал неосознанно, приведя в своем труде письмо римско–католического митрополита А. Гинтовта, отразившее мысль о невозможности употребления русского языка, как равно без согласия Папы Римского, канонического права, так и исторического развития края [18, с. 66–68]. А.В. Жиркевич, пожалуй, первый из российских авторов указал на двуличность П. Жилинского: с одной стороны, управляющий действовал в угоду властям, поддерживая русский язык, а с другой – своим молчанием, бездействием, отклонением различных решений Ф. Сенчиковского способствовал затормаживанию процесса «располячивания» [18, с. 32]; училище органистов называл последней надеждой на «располячивание» костела в Беларуси [18, с. 504–505]. Одобрение действий Ф. Сенчиковского находим и у Д.К. Чихачева [14, с. 26].

Авторы, описывая процесс введения русского языка в римско–католическое богослужение не могли не затронуть отношения самого населения к нововведению. Еще П. Бобровский, описывая реальное положение дел в Гродненской губернии, указывал на то, что католики–крестьяне Гродненской губернии разговаривали между собой на «белорусском наречии», а остальные, которые были побогаче, лишь с ними по–белорусски, а между собой употребляли польский язык [34, с. 623]. «Литовские епархиальные ведомости», отмечая широкое употребление польского языка в восточных губерниях нынешней Беларуси к к. XIX в., видели в этом результат действий высших представителей римско–католического духовенства [4; 35, с. 10]. А.И. Миловидов сосредоточил внимание на изъятии польско–язычных римско–католических молитвенников и штрафах за их распространение [2, с. 32].

В современной российской историографии наблюдается некоторое оправдание действий правительства. Священник Сергей Голованов полагает, что в целях борьбы с польским национализмом, распоряжением правительства от 1868 г. римско–католическим приходам в этнической Беларуси было предписано перейти на русский язык вместо польского в проповеди и внелитургических богослужениях, что вызвало некоторое волнение (всего лишь – А.Г.) духовенства и мирян [36, с. 33]. Больше внимания стали уделять российские авторы и теоретическим вопросам взаимосвязи языка, религии, культуры нации [37; 38, с. 35].

Замечательным моментом в исследовании истории церкви на территории Беларуси явилось издание в 2010 г. монографических исследований М.Д. Долбилова «Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II» и А.Ю. Бендина «Проблемы веротерпимости в Северо–Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.)». Кандидат исторических наук, доцент Института теологии БГУ А.Ю. Бендин за этот труд стал лауреатом Макариевской премии II степени за 2012/2013 в номинации «История Православной Церкви».

Использование русского языка в «дополнительное» римско–католическое богослужение М.Д. Долбилов характеризует как кампанию, сконцентрированную по разным причинам в Минской губернии, являвшуюся не только способом ассимиляции белорусов–католиков, но было и частичным возвращением к той политике дисциплинирующего надзора над католичеством, которая в первые годы после январского восстания уступила место гонениям на католический клир и грубому вмешательству в религиозный ритуал. М.Д. Долбилов попытался доказать, что борьба чиновников и – это особенно важно – их союзников из католического духовенства за русский язык в костеле имела самостоятельное конфессиональное значение и сопровождалась попытками повлиять на характер религиозности католического простонародья: «Произвола и насилия хватало и в этой кампании, но, анализируя ее с точки зрения мотивации выступивших на стороне власти католических священников, видишь, что они не просто навязывали своей пастве новый язык молитвы, но требовали, как им казалось, более сознательного проявления набожности и более осмысленной духовной лояльности — не к далекому и чуждому римскому первосвященнику, а к российскому монарху в его почти религиозной ипостаси Царя–Освободителя» [39, с. 602–603].

Стоит не согласиться с мнением М.Д. Долбилова, что мероприятия по введению русского языка вовсе не достигли Гродненской губернии, а также и то, что убийство Э. Тупальского оказало

деморализирующее воздействие на управляющего Виленской епархией П. Жилинского, выразившееся в отсутствии инициативы в деле введения русского языка на канонической территории Виленской епархии (Виленской и Гродненской губерний), о чем свидетельствует отдельная статья и монография А.И. Ганчара [40;41;39, с. 632].

А.Ю. Бендин несколько расширяет проблемное поле, заявляя об использовании русского языка не в «дополнительном» римско-католическом богослужении, а в костеле. А.Ю. Бендин заверяет, что само использование русского языка в костеле должно было стать еще одним инструментом этнической и социальной модернизации белорусов наряду с такими институтами, как система народного просвещения, печать, делопроизводство и т. д. «Цель этой модернизации – формирование русского этнического самосознания католиков-белорусов, общего с этническим самосознанием белорусов-православных. Разумеется, что о формировании этнического самосознания в эти годы можно говорить с определенной долей условности. Этот процесс находился в начальной стадии, когда представления о природе русской этничности ограничивались универсальной и неотрелексированной категорией «русская народность». Практика реализации указа и участие местного католического духовенства в обрусении костела позволили воспринимать русское самосознание дифференцированно как множественную идентичность: «я – католик, я – белорус, и я же – русский» [42, с. 83].

Что касается категории «католик-белорус» применительно к официальной статистике российской империи, то я не встречал подобной категории на том временном интервале, когда осуществлялся процесс введения русского языка в «дополнительное» богослужение, а категория «белорус» фигурировала в официальной печати применительно к Могилевской и Витебской губерний. Да и использования категории «модернизация» явно преувеличено.

В докладе обер-прокурора Св. Синода Д.А. Толстого, озвученным 16 декабря 1869 г. на заседании Особого комитета по отмене ограничительного указа Николая I от 15 июля 1848 г., была употреблена определенная «тамошнее» население: «... Хотя допущение употребления русского языка в иноверческих церквях есть меч обоюдоострый, тем не менее... польза, которую можно и должно ожидать для государства от разъединения вопросов религиозного и национального, так велика, что не следует останавливаться опасениями, будто такое разрешение послужит средством к иноверческой, а в особенности римско-католической пропаганде, опасениями, в сравнении с той пользой, ничтожными. Существовавший доселе порядок устранения иностранных исповеданий от употребления в делах их религии языка русского повел к тому, что в Западном крае сделаться русским значит то же, что переменить свою веру... желательно, чтобы, напротив того, вошло в сознание тамошнего населения, что можно быть католиком и, вместе с тем, и русским» [42, с. 80].

В своих разъяснениях Минскому губернатору В.И. Чарыкову министр внутренних дел А.Е. Тимашев прямо указывает на явно очерченную цель, которую преследовало правительство в своем стремлении заменить польский язык русским при «дополнительном» богослужении: «Деполонизация римско-католической церкви и через ее посредство и края, которая в действительности отнюдь не должна была иметь характер посягательства на верования римско-католического населения. Католицизм как религиозная доктрина не представляется для нас вредным, но в соединении с полонизмом, и только в этом случае, он принимает для нас враждебный характер» [42, с. 83]. А.Ю. Бендин сводит это все к замыслу правительства по расширению этнических границ русского народа за счет полонизируемых костелом католиков-белорусов [42, с.83].

Таким образом, освещение российской историографии по вопросу использования русского языка в римско-католическом богослужении на территории Беларуси в указанный период показывает, что наблюдается отличие в оценках происходивших событий, причем современные российские авторы более склонны к критической оценке происходивших событий, чем их предшественники. В то же время надо отметить и наличие разнонаправленных тенденций: учет мнений каждого из участников событий и оправдание действий лишь одной стороны – представителей правительственной точки зрения (посредством подбора определенных документов, публицистических статей того периода, а порой и простым отрицанием всех обвинений в отношении некоторых активных участников тех процессов как клеветнических). Учет этих разнонаправленных тенденций позволит белорусским исследователям избежать ошибок в объективной оценке событий, связанных с заменой польского языка русским в римско-католическом богослужении на территории Беларуси в указанный хронологический период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврыш, В. Язык богослужений – вопрос деликатный / В. Гаврыш // Народная газета. – 2004. – 10 лют. – С. 3.
2. Кондрусевич: Богослужение в Беларуси должно совершаться на родном языке // Новости Беларуси. Беларусское телеграфное агенство – Официальный интернет-портал [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: www.belta.by. – Дата доступа: 21.08.2013.
3. Миловидов, А.И. Распоряжения и переписка гр. М.Н. Муравьева относительно римско-католического духовенства в Северо-Западном крае / А.И. Миловидов. – Вильно: Губ. Тип., 1910. – 38 с.
4. Литовские епархиальные ведомости. – 1891. – № 22. – С. 4–5.
5. Аксаков, И.С. Славянский вопрос. 1860–1886 / И.С. Аксаков. – М.: тип. М.Г. Волчанина, 1886. – 771 с.
6. Владимиров, А. История плана располочения католицизма в Западной России / А. Владимиров. – М., 1896. – 122 с.
7. Владимиров, А. О положении православия в Северо-Западном крае / А. Владимиров. – М., 1893. – 87 с.
8. Киприанович, Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до начала нашего времени / Г.Я. Киприанович. – Вильно: Губ. тип., 1895. – 296 с.
9. Корнилов, И. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху / И. Корнилов. – СПб.: тип. А.П. Лопухина, 1901. – 504 с.
10. Корнилов, И. Стоит ли вводить русский язык в костелы западных губерний / И. Корнилов. – СПб., 1897.
11. Памяти И.П. Корнилова 1811–1911 / сб. ст. – СПб.: Глав. Управл. Уделов, 1911. – 135 с.
12. Николаев, К.Н. Восточный обряд / К.Н. Николаев. – Париж: YMCA-Press, 1948. – 314 с.
13. О допущении русского языка в иноверческое богослужение // Русский вестник. – № 9, 1867. – С. 316–391
14. Чихачев, Д.Н. К вопросу о располочении костела в прошлом и настоящем / Д.Н. Чихачев. – СПб., 1913. – 136 с.
15. Литовские епархиальные ведомости. – 1875. – № 22. – С. 7–8
16. Судьбы русского языка в костелах Северо-Западного края // Русский вестник. – 1888. – № 8–9.
17. Польский вопрос в газете «Русь». 28 март. 1904.–18 февр. 1905 г.: изд-е газеты «Русь». – Т. I. – 434 с
18. Жиркевич, А.В. Из-за русского языка. Биография каноника Сенчиковского: в 2 ч. / А.В. Жиркевич // Минская старина. – 1911. – Вып. 3. – Ч. 2. – 684 с.
19. Жиркевич, А.В. Из-за русского языка. Биография каноника Сенчиковского: в 2 ч. / А.В. Жиркевич // Минская старина. – 1911. – Вып. 3. – Ч. 1. – 669 с.
20. Мосоловь, А.Н. Виленские очерки 1863–1865 г. (Муравьевское время) / А.Н. Мосоловь. – СПб.: тип. А.С. Суворина. – 1898. – 253 с.
21. Религиозно-политические идеалы польского общества // Северный вестник. – 1895. – С. 431–439.
22. Литовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 2. – С. 7.
23. Литовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 35. – С. 8–9.
24. Литовские епархиальные ведомости. – 1885. – № 8. – С. 10–11.
25. Литовские епархиальные ведомости. – 1878. – № 35. – С. 5–6.
26. Литовские епархиальные ведомости. – 1880. – № 46. – С. 8–9.
27. Литовские епархиальные ведомости. – 1882. – № 10. – С. 5–6.
28. Русь. – 1883. – № 13. – С. 35–37.
29. Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 14. – С. 7–8.
30. Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 32. – С. 1–2.
31. Литовские епархиальные ведомости. – 1885. – № 6. – С. 3–4.
32. Литовские епархиальные ведомости. – 1885. – № 7. – С. 8–9.
33. Котович, И. Наши переговоры с Папой / И. Котович // Литовские епархиальные ведомости. – 1889. – № 9. – С. 8.
34. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния: в 2 ч. / сост. П. Бобровский. – СПб.: тип. Департамента Генерального штаба, 1863. – Ч. 2. – 1074 с.
35. Литовские епархиальные ведомости. – 1899. – № 51. – С. 9–10.
36. Голованов, С. Католичество и Россия (исторический очерк) / С. Голованов. – СПб., 1998. – 85 с.
37. Нация и национализм: Проблемно-тематический сборник; отв. Ред. вып. А.И. Миллер [и др.] / РАН ИНИОН, Центр социальных научно-информационных исследований, Отдел политологии и правоведения, Институт сравнительной политологии. – М., 1999. – 220 с.
38. Пуляев, В.Т. Этнос и национальные интересы народов России / В.Т. Пуляев // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 1. – С. 18–40.
39. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М.Д. Долбилов. – М.: Новое литературное обозрение, 2010 г. – 1000 с.
40. Ганчар, А.И. Попытка введения русского языка в римско-католическое богослужение в Гродненской губернии (вт. пол. XIX в.) / А.И. Ганчар // Гісторыка-археалагічны зборнік. Вып. 24. – 2008. – С. 79–83.

41. Ганчар, А.И. Римско–католическая церковь в Беларуси (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Исторический очерк: монография / А.И. Ганчар; под науч. Ред. докт. Ист. Наук С.Е. Сельверстовой – Гродно: ГГАУ, 2010. – 577 с. – С. 194–297.

42. Бендин, А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо–Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А.Ю. Бендин. – Минск: БГУ, 2010. – 439 с.

**USE OF RUSSIAN IN ROMAN CATHOLIC CHURCH SERVICE IN THE
TERRITORY OF BELARUS (THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY):
ANALYSIS OF THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

A.I. HANCHAR

Summary

In article the analysis of the Russian historiography on problem of introduction, use of Russian in Roman Catholic Church service in the territory of Belarus in the second half of the 19th century. During research of monographic works, the articles, memoirs literature is drawn a conclusion on existence of multidirectional tendencies in an assessment of a role and value of a church, representatives of the government, orthodox church in this difficult process: the accounting of opinions of each of participants of events and a justification of actions of only one party – representatives of the government point of view (by means of selection of certain documents, publicistic articles of that period, and at times and simple denial of all charges of the relation of some active participants of those processes as slanderous).

Key words: the Roman Catholic Church, worship, Russian historiography, Belarus, the second half of the 19th century.

© Ганчар А.И.

Поступила в редакцию 24 марта 2015г.